

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии РАН
Южный научный центр РАН
Южный федеральный университет
Азовский историко-археологический
и палеонтологический музей-заповедник
Российский гуманитарный научный фонд

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИИ

Материалы VII Международной научной конференции
(11–15 мая 2011 г., Ростов-на-Дону, Кагальник)

Ответственные редакторы
доктор исторических наук Л.Т. Яблонский
кандидат исторических наук С.И. Лукьяшко

С.В. Воронятов

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

ПОГРЕБЕНИЯ САРМАТСКОЙ ЗНАТИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ЮЖНОГО БУГА И ДНЕСТРА (вторая половина I – начало II в. н.э.)

Среди немногочисленных сарматских памятников междуречья Южного Буга и Днестра привлекает внимание группа погребений (рис. 1), выделяющихся богатством и яркостью сопровождающего инвентаря. Речь идёт в большинстве своём о впускных погребениях в курганах могильников эпохи бронзы, расположенных на границе лесной и лесостепной зон левобережья Среднего Днестра и правобережья Южного Буга.

Самыми известными комплексами среди них являются два погребения в кургане №1 небольшой группы насыпей у с. Пороги Ямпольского района Винницкой области Украины и разрушенное погребение недалеко от с. Грушка Каменского района Молдавии [Симоненко, Лобай, 1991; Гросу, 1986, с. 258–261]. Остальные пять захоронений чуть менее известны, тем более что материалы двух из них полноценно введены в научный оборот лишь недавно [Simonenko, 2008, s. 78–79, Taf. 127–130]. Имеются в виду погребение в кургане №1 могильника Севериновка [Загоруйко, Прилипко, 1989, с. 17–18] и погребение кургана №1 могильника Писаревка того же Ямпольского района. Комплекс из кургана №29 могильника Гордеевка Тростянецкого района был издан в конце 1990 гг. [Berezanskaja, Kokowski, 1997/1998, s. 9–28]. Два захоронения в курганах близ с. Мокра Рыбницкого района Молдавии исследовались в 1990 г. и опубликованы с детальным анализом материала в начале 2000-х гг. [Щербакова, Кашуба, 1993; Кашуба и др., 2001–2002].

Объединить все погребения в одну группу позволяет не только их хронологическая и территориальная близость, но и то, что, будучи в большинстве своём (6 из 7 погребений¹) совершёнными в курганах эпохи бронзы, они не предвосхитили дальнейшего появления самих сарматских могильников на данной территории. Перечисленные факты заставляют видеть в восьми захоронениях недолговременный элитный «некрополь», своеобразный сарматский «Геррос» [Симоненко, 1999, с. 116], возможно, принадлежавший одной семье или клану.

Попытаемся установить обстоятельства, при которых рассматриваемая группа погребений могла появиться на берегах Днестра и Южного Буга во второй половине I в. н.э. – начале II в. н.э. Оттолкнуться в этом исследовании можно от интерпретации мужского погребения в Порогах. Исключительный для

данной территории катакомбный обряд, уникальные золотые вещи, сопровождавшие погребённого, и семь царских тамг на них позволили А.В. Симоненко выдвинуть гипотезу о том, что в могиле мог быть захоронен сарматский царь Инисмей, серебряные монеты которого чеканились в Ольвии в 70–80-е гг. [Симоненко, Лобай, 1991, с. 66]. Гипотезу укрепляет местоположение могильника Пороги, попадающего в границы предполагаемого «царства» Фарзоя – старшего родственника (отца?) Инисмея, установленное ареалом монет с его тамгой [Карышковский, 1982, с. 66–82; Щукин, 1982, с. 35–37].

Эта территория примечательна ещё тем, что предположительно с середины I в. н.э. здесь расселяются мигранты из Среднего Поднепровья, носители распавшейся зарубинецкой культуры [Щукин, 1994, с. 233], памятники которых получили название «горизонт Рахны-Почеп» [Щукин, 1986, с. 26–38]. Образование хронологического горизонта постзарубинецких поселений отчасти было спровоцировано сарматским движением с востока, под натиском которого в середине I в. н.э. закончилась жизнь на зарубинецких городищах Среднего Днестра.

Сопоставительный анализ инвентаря постзарубинецких селищ (Марьяновка, Носовцы, Пархомовка) и могильника Рахны Южного Побужья с инвентарём сарматских погребальных памятников соседних областей показал, что типы вещей многих категорий предметов пересекаются, и это может свидетельствовать об интенсивных контактах оседлого населения с кочевниками [Воронятов, в печати]. Была предложена гипотеза, согласно которой после столкновений в Среднем Поднепровье тесные связи могли сохраняться вследствие сложившихся даннических отношений, а появление зарубинецкого населения в бассейнах Южного Буга и Днестра могло быть результатом его депортации с Днестра. Гипотезе не противоречит соседство рассматриваемых сарматских захоронений с поселенческими и погребальными памятниками типа Рахны (рис. 1).

Если предложенная реконструкция событий верна, то в результате переселения зарубинецкого населения в Южно-Бужско-Днестровский регион эти края могли стать частью контролируемого сарматами пространства и в какой-то момент, по-видимому, уже во времена Инисмея, привлекли внимание в качестве места размещения небольшого «родового кладбища» сарматской знати.

¹ Характер ещё одного погребения, у с. Грушка, не известен. Оно было обнаружено в песчаном карьере при случайных обстоятельствах [Гросу, 1986, с. 258].

При анализе этой ситуации интерпретация впускных погребений как одного из признаков первой стадии кочевания, при которой хоронили чаще всего в курганах предшествующих эпох [Плетнёва, 1982, с. 17; Раев, 2008, с. 57], не работает. При сравнении появления днестровских и южнобужских погребений с появлением «зубовско-воздвиженских» в Восточном Приазовье [Воронятов, 2009, с. 59], которые, вероятно, также были связаны с переселением зависимого меотского населения с Кубани на Дон [Раев, 2008, с. 57], не был учтён важный фактор. Днестровские и южнобужские погребения, возможно, отражая начальный период освоения территории, не стали предвестником её широкого освоения, которое могло выразиться в полноценных сарматских могильниках.

Скорее всего, небольшое количество рассматриваемых погребальных древностей свидетельствует о том, что расчёта формировать здесь большие некрополи не было. Оторванность же от массива сарматских памятников междуречья Днестра и Прута могла быть связана с намерением создать «клановую усыпальницу» в укромном месте, защищённом от разграбления не совсем обычной для сарматских памятников географической широтой (граница леса и лесостепи) и скрытностью могил в привычных для ландшафта старых курганах эпохи бронзы.

Это предположение согласуется с мнением о том, что «обычай скрывать места погребений дольше всего сохранялся в среде родовой аристократии, где древние обычаи культивировались и оберегались более тщательно, чем в среде простого народа» [Плетнёва, 1982, с. 17]. Хороший пример укрывания царских могил – знаменитый некрополь Гиллятепе в Афганистане. Ярчайшие по богатству инвентаря захоронения не имели никаких надмогильных сооружений [Сарианиди, 1989, с. 46–47], чем, вероятно, и обязаны своей непоколебимостью.

В случае с рассматриваемой группой памятников речь также идёт о погребениях представителей высшего сословия, возможно, о вожде и его близких родственниках. Укрепить предположение о том, что сооружение погребений в курганах предшествующих эпох не обязательно отражает начальный период освоения территории, а может быть частью погребального обряда, направленного на оберегание могилы от разграбления и осквернения, позволяет одно наблюдение. Из семи погребений² рассматриваемой территории шесть были впускными и не потревоженными, седьмое, единственное в индивидуальной сарматской насыпи (курган №2 у с. Мокра), разграблено в древности. И есть основания думать, что это не случайно.

Помимо основного сарматского погребения в кургане №2 у с. Мокра в его северо-западной полё исследователями было обнаружено вельбаркское трупосожжение. Хронологическое соотношение

двух захоронений говорит о том, что время, прошедшее с момента сооружения сарматской насыпи, до помещения в неё готского комплекса могло быть непродолжительным. Молдавские коллеги датируют основное погребение первой четвертью II в. н.э., вельбаркский комплекс – концом II в. н.э., самое позднее – началом III в. н.э. [Кашуба и др., 2001–2002, с. 242–243; Kašuba, Kurčatov, 2005, s. 185, Abb. 11]. М.Б. Шукин датировку вельбаркского трупосожжения определял более широко – от конца I в. н.э. до конца II в. н.э. [Шукин, 2005, с. 106]. То есть появление готов на рассматриваемой территории могло произойти сразу после возведения сарматской насыпи или непродолжительное время спустя [Кашуба и др., 2001–2002, с. 213], и они могли видеть и понимать, что этот курган насыпан недавно, в отличие от курганов эпохи бронзы. Это обстоятельство могло побудить новых переселенцев к ограблению могил сарматов, бывших в то время хозяевами в Поднестровье и Южном Побужье.

В нашем случае речь, возможно, идёт даже не о разграблении, а о ритуальном разрушении. Исходя из того, что останки погребённой оказались полностью разрушенными и частично выброшенными из гроба, а в заполнении камеры и на её дне был обнаружен многочисленный и довольно богатый инвентарь [Кашуба и др., 2001–2002, с. 213], можно предположить, что было совершено именно ритуальное действие, направленное на предохранение новых хозяев территории – готов от мёртвых аборигенов сарматов. С.В. Полин, посвятивший в совместной с Б.Н. Мозолевским книге часть одной из глав теме ограбления скифских курганов, пишет: «Появление нового земледельческого населения (в нашем случае готов. – С.В.), никакими традициями не связанного со степью, отчасти даже враждебного ей, вызывало такое же потребительское отношение и к существовавшим здесь памятникам древности – курганам, каменным бабам и проч.» [Мозолевский, Полин, 2005, с. 444].

Следует также упомянуть, что носители черняховской культуры, одним из основных компонентов которой при её сложении была вельбаркская культура, практиковали разрушение погребений своих соплеменников. Цель подобных действий определяется исследователями по-разному – ограбление, повреждение костяка при помещении в ту же яму другого погребяемого, окончательное отправление умершего в «иной» мир или предотвращение угрозы вреда от мёртвых предков путём их обезвреживания через ритуальное разрушение могилы [Сымонович, 1963, с. 49–60; Магомедов, 1979, с. 113; Елпашев, 1997, с. 194–199].

Потревожили ли сарматское погребение готы или это произошло позднее, мы, вероятно, никогда не узнаем, но факт остаётся фактом – древние насыпи эпохи бронзы с впускными сарматскими погребениями остались нетронутыми, а индивидуальный сарматский курган №2 у с. Мокра был осквернён и послужил местом упокоения германца, племя которого вскоре

² Захоронение у с. Грушка в этой статистике исключено как неинформативное.

освоило данную территорию [Хавлюк, 1988, с. 137–144]. К уцелевшим могилам сарматской знати того же периода, наиболее близким территориально, также можно отнести впускное погребение у с. Ковалёвка «Соколова могила» в низовьях Южного Буга [Ковпаненко, 1986, рис. 1]. Сарматских памятников, датирующихся позже первой четверти II в. н.э., в междуречье Южного Буга и Днестра не известно, что приводит к выводу о вытеснении кочевников готами³.

Таким образом, учитывая рассмотренный пример впускных погребений сарматской знати в Днестровско-Южнобужском регионе, можно предполагать, что сооружение сарматских могил в курганах предшествующих эпох может быть чертой погребального обряда, направленной на защиту могил от разграбления. И было бы интересным проверить данное предположение на материалах других регионов.

Список литературы

1. Воронятов С.В. Прикубанье и Поднепровье на рубеже эр: некоторые параллели в моделировании взаимоотношений кочевого и оседлого населения // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
2. Воронятов С.В. Соотношение сарматских и постзарубинецких памятников бассейнов Южного Буга и Днестра (в печати).
3. Гросу В.И. Сарматское погребение в Поднепровье // СА. №1. 1986.
4. Елпашев С.В. Разрушенные погребения черняховской культуры // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинёв, 1997.
5. Загоруйко В.Т., Прилипко В.П. Похоронения знатной сарматки з кургану біля села Северинівки Ямпільського району // Тези доповідей сьомої Вінницької обласної краєзнавчої конференції. Вінниця, 1989.
6. Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1991.
7. Кашуба М.Т., Курчатов С.И., Щербакова Т.А. Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра) // На окраинах античного мира. Stratum plus, №4. СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2001–2002.
8. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986.
9. Магомедов Б.В. Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.
10. Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.
11. Плетнёва С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
12. Раев Б.А. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.
13. Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
14. Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. №1. 1999.
15. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
16. Сымонович Э.А. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху // СА. №1. 1963.
17. Хавлюк П.И. Вельбарские памятники на Южном Буге // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. I. Lublin, 1988.
18. Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. Сармато-аланские древности (Курганные захоронения близ с. Мокра). Тирасполь, 1993.
19. Шукин М.Б. Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. XLVII. Л., 1982.
20. Шукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
21. Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994
22. Шукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
23. Berezanskaja Z.S., Kokowski A. Sarmacka księżniczka z miejscowości Gordeevka na Ukrainie // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. Vol. LII/LIII. Lublin, 1997/1998.
24. Kašuba M., Kurčatov S. Ein Grabhügel der sarmatischen Elite von Mokra am mittleren Dneestr // Prähistorische Zeitschrift. Bd. 80. H. 2. Berlin–New York, 2005.
25. Simonenko A.V. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // Simonenko A., Marčenko I.I. und Limberis N.Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Archäologie in Eurasien. Band 25. Mainz, 2008.

³ Гипотеза о столкновении готов с кочевниками в Днестровско-Южнобужском регионе впервые была изложена в докладе М.Б. Шукина, Д.А. Мачинского и С.В. Воронятова «Готский путь, плодороднейшие земли Oium и поселение Лепесовка», посвящённом М.А. Тихановой и прочитанном на XIV чтении памяти Анны Мачинской, посвящённых Марку Борисовичу Шукину. Старая Ладога 26–27 декабря 2009 г.

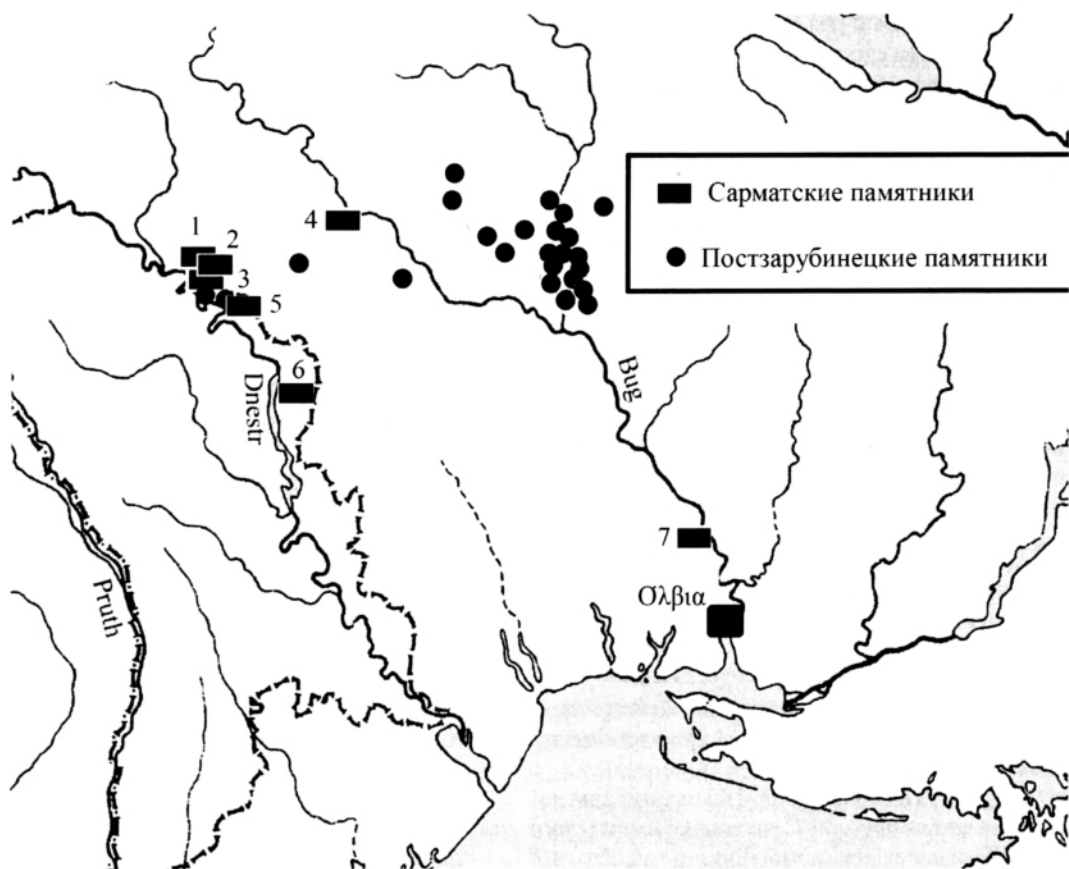

Рис. 1. Сарматские и постзарубинецкие памятники Поднестровья и Южного Побужья. 1 – Пороги, 2 – Писаревка, 3 – Севериновка, 4 – Гордеевка, 5 – Грушка, 6 – Мокра, 7 – Ковалёвка, «Соколова могила»